

Часть 2. СОЗРЕВАНИЕ

Золотая эпоха застоя - 1965-1985 годы

Судьба распорядилась так, что из семидесяти трех лет существования Советской власти, я был свидетелем сорока шести. Вначале эти свидетельства приходятся на раннее детство и оставили лишь смутные воспоминания, но по мере взросления они становятся все более яркими и осознанными. Мое второе двадцатилетие стало временем созревания, а страна в эти же годы достигла пика своего развития. Космос и ядерное вооружение, ракетостроение и взлет промышленного производства достигают апогея. Горбачев оклеветал эти годы, назвав их периодом застоя. Сегодня экономисты доказали, что в период застоя СССР развивался быстрее США и других «передовых» стран в полтора-два раза. Страна стремительно менялась, вместе с ней менялись и места, в которых я жил. Совхоз Узункульский, куда я переехал работать в 1968 году, к 1976 году построил новую двухэтажную кирпичную школу с центральным отоплением, водопроводом и теплыми туалетами, в которую перебрались ученики из старых барачков. За эти же годы были асфальтированы улицы центральной усадьбы, а государство проложило асфальтовую дорогу до областного центра Петропавловска. Менялся быт. Между селами начали ходить автобусы. Телевидение проникло во все места. Газовые плиты стали обыденностью сельской жизни и почему-то не взрывались как сейчас. Видимо, потому что государство не экономило денег на их обслуживании. Установка газовых приборов и их регулярная проверка проводилась работниками газовой службы.

Уместно вспомнить, что живя в Ташкенте, я слышал упоминания об авиазаводе, который был в 1941 году эвакуирован из Подмосковья, и выпускал самолеты Ан-12, а позднее стал выпускать Ил-76 и другие современные машины. Сегодня злопыхатели говорят, что СССР выпускал только калоши, которые продавал в Африке. Наверное, на такой калоше Ю.А. Гагарин полетел в космос, а танки, построенные в те годы, воюют на Украине, поэтому ее никак не может победить современная Российская армия. Снаряды и бомбы, произведенные тогда, позволяют сегодня противостоять всей Европе и не только.

Объективные экономисты говорят, что годы с 1965 по 1985 были наивысшим расцветом Советского Союза. Недаром в это время Л.И. Брежнев объявил о возникновении новой исторической общности людей – «советского народа», а государство из диктатуры пролетариата переросло в общенародное. Доказательства этого я видел в своей жизни. На работе не было, какого-либо национализма. Однако какие-то центробежные силы существовали, и я был свидетелем их проявления. Однажды во время перекура на заводе ЖБИ-1 в Ташкенте в 1962 году в нашу компанию затесался, не помню откуда, маленький щупленький узбек, который заявил, что к 1980 году в Ташкенте не будет ни одного русского. Мы восприняли это как глупую шутку, только посмеялись над ним и я забыл об этом

пророчестве. Вспомнил слова этого узбека я только в начале 1990-х годов после развала СССР, когда из бывших республик СССР начался исход русскоязычного населения. Если сравнить эти слова с высказываниями бандеровских выкормышей, слышанные мною в армии через четыре года, то получается, что за внешним благополучным фасадом советской жизни, какие-то националистические силы готовили будущий развал страны. В конце 1970-х годов я узнал, что в кавказских республиках должности руководителей предприятий, советских и партийных органов покупаются за деньги. После 1971 года я увидел вблизи жизнь партийно-хозяйственной номенклатуры районного и областного уровня вблизи. Тогда воспринял все происходившее как должное, и только теперь увидел признаки разложения этой номенклатуры. Обо всем этом хочу рассказать по порядку.

Возвращение из Армии

Советская армия для меня была школой жизни, позднее я считал, что она была моим первым вузом. Особенно много дала служба в штабе, которая приучила к ответственности и аккуратности. В армии я усвоил много истин, определявших отношение к жизни. Одна из них учила: «не плевать против ветра». Для меня это не было призывом к конформизму и лизоблюдству, а необходимостью соизмерять собственные силы с окружающей действительностью.

3 ноября 1967 года первая команда, увольняющихся в запас, была построена перед штабом части в жилом городке. Считалось, что в первую команду отбирают лучших. К нам вышло все командование части, они попрощались с каждым из нас, и мы сели в автобус. Вместе с земляком старшиной Павлом Пилипцевичем мы полетели до Омска, так как в Петропавловск самолеты из Москвы еще не летали, а оттуда поездом. Кстати, у меня тоже было звание старшины, но я не пришел старшинские лычки, так как знал, что это звание может присваивать только командир дивизии, а ремонтная база приравнивалась к полку, и ее командир не имел такого права. Я не стал менять погоны и поехал домой старшим сержантом. Сейчас мое поведение кажется смешным, но тогда я думал так. Романтизм, почерпнутый в книгах Джека Лондона, давал о себе знать.

Институт

4 ноября я был у родителей, а на следующий день в Молодогвардейской школе, куда вышел на работу 10 ноября. Через неделю поехал в Петропавловский пединститут, восстановился и получил темы контрольных работ к экзаменам за первый семестр первого курса. За месяц сделал контрольные работы с помощью друга Коли Иванченко и отвез их в институт, а 2 января 1968 года начал занятия на зимней сессии. За десять дней предстояло сдать четыре экзамена и два зачета. День и ночь смешались в одно сплошное чтение. Я читал в кровати, а когда уставал, засыпал, через некоторое время просыпался и снова читал. Я сдал три экзамена на четверки и зачеты, но вот с археологией не справился. На первый вопрос по Энгельсу о происхождении семьи, частной собственности и государства, что к

археологии не имеет отношения, я ответил вздохом, но когда потребовалось рассказать о конкретных археологических культурах, я все их перепутал. Преподаватель сказал, чтобы я пришел завтра в музей. Я стал просить, чтобы он разделил сумму цифр за ответ на первый вопрос и на второй и поставил тройку, он ответил, что ему неудобно ставить тройку. Вновь я всю ночь читал учебник, а на следующий день он попросил рассказать то, на что я не ответил вчера. Но прочитав весь учебник, я вновь ничего не мог вспомнить. Так я получил единственную тройку за годы учебы в институте. Зато через много лет я начал гордиться тем, что дважды ходил сдавать экзамен знаменитому ученому, доктору наук Геннадию Борисовичу Здановичу, раскопавшему на Урале древний город Аркаим. Это открытие принесло ему мировую известность, а я из-за провала на экзамене его запомнил.

Дальнейшая учеба в институте протекала стабильно. В начале лета 1970 года мне сделали операцию аппендицита, а через неделю уже сидел на лекциях в институте, хотя передвижения сопровождалось болью. В нашей группе собрались интересные люди. Был армейский полковник, служивший военкомом одной из западных областей Казахстана. Капитан Полищук командовал подразделением областной Госавтоинспекции. Были директора школ и директор профтехучилища. Я в 1969 году стал директором средней школы, а в 1971 – заместителем председателя Райисполкома. В те годы была иная практика подбора кадров. Определяющее значение имело не наличие диплома, а деловых качеств. Если человек по своим деловым качествам подходил для исполнения какой-то должности, его назначали, а нехватку образования заставляли ликвидировать путем заочного или вечернего обучения. Придя на учебу, такие люди оказывались лучшими студентами. Им было стыдно получать тройки или не сдать сессию. Через год среди нас выявилась передовая пятерка, которая первой шла на экзамены, что оказывало положительное влияние на общий результат. Когда первые отвечали преподавателю на отлично, то после них он уже на остальных смотрел более благожелательно и, как правило, вся группа сдавала. Я всегда стремился пойти отвечать первым, так как ожидание опустошало эмоционально. Я перегорал.

В октябре 1972 года состоялись государственные экзамены, которые включали историю СССР, новую и новейшую историю, историю КПСС и педагогику с методикой преподавания. Думаю, что сдавать четыре экзамена перед комиссией из пяти-шести человек, которую возглавлял председатель, прилетевший из столицы республики, было труднее, чем защищать диплом по какой-то одной теме. Волнение при подготовке было так велико, что каждую ночь перед экзаменом не спал. Все четыре экзамена были сданы на отлично. Через несколько лет мне сказали, что заведующий кафедрой истории СССР хотел пригласить меня на работу к себе, но узнав, что я работаю заместителем председателя Райисполкома, не стал этого делать, так как моя зарплата была в два раза выше той, которую он мне мог предложить. В течение учебы мы честно трудились, готовясь к экзаменам, и заслуженно

получали свои оценки. После сдачи очередного экзамена у нас не было застолий.

Работа в Молодогвардейской школе

Учеба в пединституте и работа в школе гармонично сочетались. Работа заставляла более осмысленно относиться к тому, чему учили в институте. Помню, как однажды преподаватель по методике обучения истории заставил нас записать цель урока, которая заняла почти целую страницу. Я гневно поднялся и начал доказывать ему, что учитель, если он пишет планы сразу на три-четыре класса, просто не в состоянии тратить так много времени на изложение только цели урока. Сколько же времени займет написание самого плана? Только много позднее я понял, что был не прав, преподаватель давал нам идеальный вариант, как должно быть, а уж мы должны были, зная его, делать, как есть.

В Молодогвардейской школе я проработал до конца 1967-68 учебного года. Работа физруком мне не нравилась, так как я не видел в ней перспективы, поэтому перед отъездом на сессию в институт попросил перевести преподавателем истории. Единственное, что было приятным, это мой восьмой класс, до которого дошли мои бывшие пятиклашки. У меня с ними не было проблем.

Ново-Узункульская школа

После летней сессии в институте мне предложили место учителя истории в Ново-Узункульской средней школе. В августе я уже был там. Вопрос о жилье для сельских учителей и медработников в те годы не стоял. Прежде, чем пригласить специалиста, ему подбирали квартиру. Школа занимала четыре дома барачного типа, расположенных в линию на крайней улице центральной усадьбы совхоза Узункульский. Все помещения были приспособлены под классы. Вместо актового и спортивного зала были большие комнаты.

Все недостатки в благоустройстве школы затмевал ее коллектив. С ним я был связан восемь лет с 1968 по 1976 годы. В этом коллективе я стал профессиональным педагогом. Со дня основания школы ее директором работал Веселов Леонид Афанасьевич. Это был умнейший человек и талантливый учитель, награжденный за педагогическую работу орденом Трудового Красного знамени. Не выпячивая себя, он умел организовать работу в коллективе через общественные организации, прежде всего партийную и, конечно, комсомольскую и пионерскую. Его верным помощником была жена – Елена Андреевна, женщина редкого ума и обходительности, награжденная орденом Ленина за педагогическую работу, избравшаяся депутатом областного совета, работавшая заместителем директора по воспитательной работе. Завучем была Колесник Александра Денисовна, закончившая с отличием исторический факультет Харьковского университета и приехавшая с мужем по комсомольской путевке после окончания вузов на целину. В коллективе царил атмосфера взаимного уважения и доверия. В этой школе я увидел, как должны работать

комсомольская и пионерская организации. Впервые придя на комсомольское собрание, я был поражен. Около сотни юношей и девушек, одетых в белые рубашки или кофточки, темные юбки или брюки смотрелись очень здорово, а когда они перед началом собрания запели Марш Коммунистических бригад, я был просто потрясен. Потом я понял, что это было ритуалом или традицией, как говорил А.С. Макаренко, которые должны быть объединяющим стержнем каждого коллектива. К званию комсомольца ученики относились очень серьезно. В учительском и ученическом коллективах было очень влиятельным общественное мнение. Сегодня либеральчики, подобные Ксюше Собчак, плевать хотели на мнение окружающих. В Ново-Узункульской школе было по-другому: учителя и ученики уважали мнение окружающих и старались выполнять требования коллектива.

Первый 1968-69 учебный год работы в этой школе для меня был не легким. Моя учебная нагрузка составила двадцать с небольшим часов истории, кроме того классное руководство в 7 «А» классе. Население совхоза составляли русские, вместе с украинцами и белорусами, их никто не разделял, а также было много немцев и, конечно же, казахов. Таким же был и состав моего класса. Вскоре после начала учебного года мне предложили работать по совместительству воспитателем в интернате. Так как я не имел образования и педагогического стажа, ставка заработной платы у меня была минимальной, соответственно, чтобы больше получать, нужно было больше работать. В интернате работал через день. К семи утра шел делать подъем, контролировал завтрак и отправлял детей на занятия. В интернате жили дети с 5 по 10 класс, поэтому из школы возвращались в разное время. Проведя свои уроки, я шел в интернат и оставался там до отбоя в 10 часов вечера.

Учителя школы вели большую общественную работу: участвовали в художественной самодеятельности, работали в вечерней школе, посещали родителей и делали еще много бесплатных общественных дел. Вместе со всеми участвовал и я. Мы не роптали, а воспринимали все дела как свой учительский долг. Нужно сказать, что родители и все население совхоза относились к нам с большим уважением. Уже в 2000-х мне приходилось успокаивать родителей, пришедших поскандалить с учителями, тогда ничего подобного просто не могло быть в силу благожелательной атмосферы, сложившейся вокруг школы. Седьмой «А» оказался очень отзывчивым, и у меня с ребятами сложились доверительными отношения. Сказывалось то, что до меня обязанности классного руководителя у них выполняла Веселова Елена Андреевна. Интуитивно я нашел ключик, при помощи которого смог объединить их. В середине сентября нас привлекли на уборку картофеля. Картофелекопалка вытряхивала из земли клубни, а мы должны были собирать их. Когда мы первый раз приехали на поле, я поставил на каждый рядок по два человека и объявил, что буду считать, сколько соберет каждое звено. Сбор картофеля превратился в соревнование, а точнее в игру, в которой должны были выявиться сильнейшие. Мне не пришлось понукать

детей, осталось только взять тетрадь и заносить количество ведер, собранных каждым звеном. Высыпав ведро в кузов машины, дети бегом возвращались на свой рядок, чтобы не отстать от других. Нудная работа превратилась в веселую игру. Так как каждому классу была выделана своя делянка, то мы, закончив, свою работу, шумно радовались, а потом шли помогать отстающим. Между классами тоже было развернуто соревнование, в котором по итогам уборки победил 7 «А», обойдя 8-е, 9-е и 10-е классы.

Для придания учебе осмысленного характера, я подарил детям мечту, если класс займет первое место, то на летних каникулах мы поедем в Ленинград. У А.С. Макаренко это называлось системой перспективных линий. Тогда я еще слабо знал систему этого педагога, но понял, что детям нужна мечта, которая станет завтрашней радостью. Для поездки были нужны деньги, и мы их зарабатывали: собирали металлолом, сдавали макулатуру и выполняли еще какие-то посильные работы. Были подключены и родители. Я написал в Ленинградский горком комсомола письмо с просьбой помочь в размещении. После того как сдал летнюю сессию в институте, в начале августа мы сели в поезд и поехали в город на Неве. В Ленинграде нас никто не встретил, Горком комсомола обманул, и мы пошли по Невскому проспекту в поисках приюта. Нестройная толпа двух с лишним десятков подростков, нагруженных чемоданами и сумками, рюкзаков тогда не было, привлекала прохожих. Тем более среди нас было несколько казахов, которые своей азиатской внешностью, привлекали ленинградцев. Они останавливались и участливо спрашивали, куда мы идем? Я отвечал, что ищем пристанище. Каким образом мы оказались на набережной Фонтанки у Аничкова моста, я уже не помню. Там нам подсказали, что рядом расположена школа, в которой нам могут дать приют. Вскоре я нашел завхоза этой школы, который за 50 копеек с человека в сутки разрешил нам поселиться в спортивном зале, на полу. В качестве постели служили спортивные маты. Нам был предоставлен душ и туалет. Мы постелили маты с двух сторон зала. С одной стороны для девочек, а с другой для мальчиков. О питании я договорился с молодежной туристической организацией «Спутник», которая кормила своих туристов в соседней школе. Так были решены два важнейших вопроса: размещение и питание. В то время столкнувшись с такими неудачами я не испытывал страха, был какой-то оптимизм и уверенность, что все будет хорошо. Комфорт отсутствовал полностью, но было предвкушение радости знакомства с великим городом. Десять дней, на которые было рассчитано наше путешествие, были слишком маленьким сроком, чтобы познакомиться с Ленинградом, но нам повезло тем, что мы поселились в самом центре города. Мы посетили Эрмитаж и Петергоф, Казанский и Исакиевский соборы. Сумели даже послушать оперу Евгений Онегин в театре имени Кирова, современная Мариинка. Более того мама Юры Маркуса, провожая нас, дала денег и попросила меня купить ему костюм. Ближе к отъезду мы поехали в какой-то универмаг на краю города за костюмом. Для того, чтобы никого не потерять, я в самом начале разделил

ребят на пятерки и после каждой посадки в трамвай, а мы больше ездили на них, звеньевые считали и сообщали мне. И вот на одной из пересадок мне сообщают, что Юры нет. Оставляю на следующей остановке группу, и еду по маршруту, вглядываясь в прохожих в поисках Юры. Вдруг вижу, как он идет, наклонив вперед голову. Выхожу из трамвая и иду ему на встречу. Он горько плачет и не видит меня. Похожу вплотную, он поднимет голову и радостно улыбается. Костюм ему мы все же купили.

Во время осмотра парка в Петергофе, я разрешил ребятам самостоятельно полюбоваться фонтанами до определенного часа, когда время вышло, то не оказалось Вани Мелинчука и Володи Листопадного. Вскоре показались и они. Я увидел их мокрые головы, они искупались в Финском заливе. В Петергоф и назад мы плавали на теплоходе, что тоже было памятным путешествием для нас, жителей степей.

Очень интересным был поход в театр Кирова на оперу Евгений Онегин. Вначале ребята категорически заявили, что в оперу не пойдут. Тогда я заявил, что если не пойдут в оперу, будут сидеть в спортзале. С великим трудом заставил их пойти. Но после похода у них осталась масса впечатлений. Огромный театр, сияние люстр, прекрасная музыка, красивые костюмы и великолепные голоса актеров изменили их мнение. В тот день в театре было много иностранцев. У ребят остались великолепные воспоминания и они, возвратясь домой, делились ими. Через несколько дней после возвращения я был назначен директором школы.

Директор Ново-Узункульской средней школы

За две недели до начала учебного года я был назначен директором своей школы в возрасте двадцати четырех лет. Молодость и склонность к авантюризму или креативность, как сейчас говорят, толкали на новый рубеж роста. Свое положение директора я рассматривал как более высокий уровень ответственности и не боялся трудностей, так как вся предыдущая жизнь приучила к ним. Не знаю, почему выбор пал на меня, в коллективе были педагоги с высшим образованием и большим опытом работы. Большинство из них было женщинами. Свою роль, видимо, сыграло то, что работа директора сельской школы была связана с частыми поездками в райцентр или в область, а сельские учительницы были обременены семьей и хозяйством, которые требовали постоянного присмотра, поэтому они отказывались от подобного назначения. Кроме педагогических обязанностей директор сельской школы выполнял массу хозяйственных дел. При подготовке к ремонту нужно было купить краску, цемент и другие материалы. Совхоз помогал, но часто у него не было материалов хорошего качества, поэтому директор садился в машину и ехал по городам и весям. Нужно сказать, что в совхозах считали школы своими, и старались оказывать всестороннюю помощь.

Первой трудностью, которую мне пришлось преодолевать после назначения на должность, было признание своего права занимать ее среди коллег. Подавляющее большинство их было старше меня и намного дольше

работало. Наибольшую трудность представляли не старые учителя, которые были мудрее, поэтому не показывали своего превосходства, а старались соблюдать субординацию, уважая, если не меня, то должность, которую я занимал. Сложнее было с молодыми, считавшими себя равными и имеющими право на принятие собственных решений, которые могли противоречить моим. Много позднее прочитал у Макаренко, что коллектив слабых педагогов, работающий по реализации единых задач, сильнее коллектива, состоящего из сильных педагогов, каждый из которых реализует собственные задумки.

У меня хватило ума не ломать старые традиции и авторитеты, а продолжать и развивать их, используя авторитет бывшего директора Веселова Л.А. и педагогического актива из уважаемых учителей. Таким образом, они поддерживали большинство моих решений. Когда молодые учителя видели за моей спиной поддержку ветеранов, они вынуждены были соглашаться.

Первый раунд на посту директора Ново-Узункульской школы длился чуть больше двух лет с 1969 по 1971 год. В октябре 1971 года мы собирались проводить общешкольное родительское собрание, куда приезжали родители из четырех отделений совхоза, расположенных на расстоянии от трех до десяти километров от центральной усадьбы. Накануне собрания мне позвонил заведующий организационным отделом Райкома партии и спросил, буду ли я возражать, если он попридет на собрании. Я не понял, зачем это ему нужно, но отказать не мог. Через несколько дней после собрания меня пригласили в Райком партии и сказали, что есть мнение перевести на «хозяйственную работу» заместителем председателя Исполкома райсовета. Вот как при Советской власти происходил подбор кадров. Выбирали не из числа амбициозных самозванцев, а путем рассмотрения кандидатур, чем-то проявивших себя в работе. С 1 ноября 1971 года я перешел на работу в Райисполком.

Возвышенский райисполком

Вначале меня назначили исполняющим обязанности заместителя председателя, а когда через несколько месяцев прошли выборы, я стал депутатом районного Совета и на первой сессии был утвержден в должности зампреда. Надо сказать, что я был совершенно не готов к новой должности и после первых месяцев начал думать о том, как уйти с нее. Позднее мой начальник, председатель Райисполкома Магазов Килаш Магазович произнес в моем присутствии фразу: «Лучше быть маленьким самым, чем большим замом», которая укрепила желание вернуться в свою школу.

У меня не сложились отношения с Магазовым. Видя мою молодость и неопытность, он мог бы учить и наставлять меня, но он этого не умел или не хотел делать. Я, приученный в армии к общению с высокими командирами, неукоснительно соблюдал субординацию, а он упивался своим могуществом. Помню его позу, когда я приходил проконсультроваться или он вызывал меня. Магазов сидел в кресле, отодвинувшись от стола и, заложив ногу за

ногу так, что были видны не только носки, но и щиколотка. При этом он курил, стряхивая пепел в пепельницу, стоящую на краю стола, а в его голосе слышалось, что-то байское, унижительное. Первые месяцы моя семья жила в Узункуле и мне приходилось на перекладных добираться на работу из дома и назад. Персонального автомобиля мне не дали и даже не закрепили никого. Такая ситуация гасила молодое тщеславие и заставляла думать о возвращении назад, так как мое место оставалось свободным, пенсионера Леонида Афанасьевича попросили выйти на работу вместо меня.

Не простые отношения у меня сложились с моим бывшим начальником, заведующим Возвышенским Районо Загореевым Константином Геннадьевичем. Мы с ним заканчивали одну Октябрьскую среднюю школу, только он это сделал на год раньше, поэтому мы не были знакомы. Пока я трудился в Ташкенте и служил в армии, он учился в пединституте. Когда я вернулся из армии, он уже работал заведующим Возвышенским Районо. При его поддержке меня назначили директором школы. После первого года моей работы директором наши отношения испортились. В начале 1970-71 года он приехал с инспекторской проверкой в нашу школу. С ним был только один инспектор районо. После первого дня работы я пригласил их на ночлег к себе домой. В те времена в деревне это было обычным явлением, так как гостиниц в селах не было. Костя был законченным демагогом и очень любил наставлять молодых. Во время ужина после пары рюмок, он разразился длинной тирадой о том, как трудно руководить из района школами, в которых работают не совсем адекватные люди. Я не выдержал и сказал: «Конечно вы все в районо умные, а мы здесь дураки». Он вспылil и сказал, что будет ночевать в школе. Они ушли, а я через час пошел и увидел, что они устроились прямо на полу учительской, подстелив газеты и положив под голову книги. Я попытался извиниться и вернуть их в свой дом, но Костя был непреклонен. Вывод комиссии был таков: «В школе есть управление, но нет контроля». Это означало, что мои опытные замы руководят коллективом, а я как директор ничего не контролирую. Несмотря на такую оценку, я через год стал его куратором и он должен был являться по моему вызову, а ему было так трудно идти к своему бывшему подчиненному. Помню, однажды он был нужен, по какому-то вопросу, а он отвечает, что занят. Не сказал, что придет через час или два, а занят вообще. Пришлось его припугнуть докладной председателю, и он пришел. Это надо было видеть, как тяжело ему давался разговор со мной. В дальнейшем судьба нас неоднократно сводила и разводила, но мы наладили отношения и он приезжал ко мне уже в Красноярск после 1991 года.

Во время третьей попытки уйти с высокой должности, зав орготделом райкома Виктор Васильевич Осипов сказал, что нужно потерпеть, а в следующем году меня планируют направить в высшую партийную школу в Алма-Ату или Москву. Я ответил, что пока солнце взойдет, роса очи выест и добавил, что если меня не отпустят, то я откажусь баллотироваться в депутаты Райсовета. Такое заявление было равнозначно бунту и было

принято всерьез. Меня отпустили, и после выборов я перешел на работу в прежнюю школу.

За время работы в исполкоме в Узункульском совхозе сменился директор. Вместо Николаева Георгия Ивановича пришел Чернышев Николай Васильевич. С этим человеком мы начали строить здание новой школы. Конечно, говорить «мы начали строить» очень громко. Строил совхоз, т.е. его директор, но мне он поручил контролировать ход строительства. А до его начала предложил подкорректировать проект. Вдохновленный поручением, я нашел, что два одноэтажных крыла, примыкавших к двухэтажному корпусу надо тоже сделать в два этажа. Это добавит четыре учебных кабинета и помещения для читального зала и библиотеки. Чернышев Н.В. мои предложения принял, и стройка началась по моему плану. Вот так просто в те времена можно было изменить проект. Никаких бюрократических согласований и процедур.

В 1975-76 учебном году стройка вступила в завершающую фазу. Теперь нужно было закупить оборудование, а учителя должны были подготовить оформление своих кабинетов. Целый год я был занят приобретением столов, парт, шкафов, оборудования для химического и физического кабинетов, лингофонных классов. Все это нужно было закупать в Петропавловске, который находился более чем за сто пятьдесят километров. Ехал туда на автомобиле и грузил вместе с водителем, грузчиков на складах не полагалось. Каждая парта или стол для новой школы, побывали в моих руках. К новому 1976 году строительные работы были закончены и на зимних каникулах мы начали переселяться в новые классы. Радостью были охвачены все – дети, учителя родители. Мне дважды пришлось испытать счастье переселения из старых приспособленных и тесных классов в новые светлые и просторные. Второй раз это было в 2000 году, но об этом позже.

Во время второго раунда пребывания в Ново-Узункульской школе я серьезно занялся организацией ученической производственной бригады. Нам не далеко от школы выделили пять гектаров земли, и мы на ней высаживали капусту, картофель и другие овощи. Кроме этого закрепили участок совхозного сада. Культурные фрукты у нас не росли, поэтому высаживали сибирскую ранетку, смородину, малину, крыжовник. Кроме этого в школе был участок около гектара, на котором во время уроков по биологии и труду выращивали огородные растения. Был и ягодник, на котором росла малина и смородина. Гордостью Леонида Афанасьевича Веселова были три дуба, которые он посадил при открытии школы. Они не росли в нашей климатической зоне, но прижились на нашем участке. На лето составлялся график, по которому дети работали на закрепленной земле. При этом они ездили в пионерские лагеря, отдыхали с семьями. Ни дети, ни родители не считали, что этот труд, чем-то мешает им. Наоборот, летом дети были заняты полезным делом, они участвовали в спортивных играх и соревнованиях, и у них не оставалось времени на бездумное времяпрепровождение. За пять лет, которые я провел на посту директора школы, ученики только дважды

совершили правонарушения. Один раз это сделал девятиклассник Золотарев Валера, который подпер дверь в доме, в котором жил учитель физики. За это мы Валеру исключили из школы. Думаю, что это было жестоко, но правильно. Валера окончил десять классов в нашей вечерней школе. Его отец работал агрономом в совхозе. Другое правонарушение, которое уже можно назвать преступлением совершил Кружилин Олег ученик пятого или шестого класса из неблагополучной семьи. Он через форточку влез в помещение интерната и перевернул все вещи в чемоданах ребят. Не помню, что он там взял, но его отправили в спецшколу. Других противоправных деяний за пять лет не произошло. Когда в 1985 году я приехал в Красноярск и сказал, что за пять лет в школе произошло всего два правонарушения, мне не поверили.

С самого начала своей работы директором я увидел, что без своего автомобиля выполнять хозяйственные работы в школе очень трудно. Просить транспорт в совхозе приходилось по любому поводу, привезти продукты в столовую интерната, отвезти и или получить постельное белье в совхозной прачечной, не говоря уже о поездах за пределы совхозной усадьбы. Штатную единицу водителя районо давало, а вот автомобиль пришлось просить в совхозе. Директор совхоза Николаев Георгий Иванович поручили заведующему гаражом подобрать автомобиль, подлежащий списанию, и направить в район документы на передачу машины в школу. Таким образом, нам передали старенький, но ходовой Газ-51 вместе с шофером Иваном Михайловичем. Это был водитель, прошедший войну. Он имел колоссальный водительский опыт. Помню, поздней осенью мы возвращались из поездки в областной центр, и в одном месте машина забуксовала. Она провалилась в замерзшую сверху грязь, и мне показалось, что мы не выберемся. Иван Михайлович вручил мне лопату и сказал, чтобы я срубал замерзшие комья земли и кидал под колеса. Я кидал землю, а он двигал машину вперед и назад. Так постепенно мы выехали из этой бездонной лужи. В то время в Северном Казахстане вместо дорог были направления, но мы каким-то чудом передвигались по ним и возили все необходимое. Уже в начале 1970 годов началось массовая прокладка асфальтированных дорог. Иван Михайлович научил меня водить машину, а преподаватель машиноведения Фаст Яков Яковлевич подготовил к сдаче экзаменов в ГАИ.

После первой машины мне удалось выпросить в рабкопе, так тогда назывались торговые организации, подлежащую списанию автолавку, которую мы переоборудовали под автобус. Пусть он летом был душным, но в нем, не боясь дождя и ветра, можно было возить детей и учителей на совещания, соревнования, выступления художественной самодеятельности и другие мероприятия. Потом в школе появилась еще одна машина. Воинские части в то время привлекали на уборку урожая, в основном на перевозку зерна. В то время не было большегрузных Камазов и Мазов, зерно возили маломощными Газами и Зилами, поэтому автомобилей нужно было много. На уборку отправляли воинские части вместе с автомобилями. В 1974 году

все поломанные на уборке машины оставляли на местах, и можно было получить такую машину, что я и сделал. Весной следующего года дали наряд на капитальный ремонт в городе Павлодаре, куда я и поехал вместе со школьным шофером. Примерно через неделю мы на двух машинах выехали из ворот ремонтного завода. У автомобилей не работали тормоза за исключением ручника, не было света, не работали сигналы поворотов и стеклоочистители. Тормозные колодки были не отрегулированы, и приходилось останавливаться, чтобы их ослаблять. Все это нужно было доделывать дома. Мы выехали в путь длиной более 700 километров, дорога шла через холмистые места, она то взбиралась наверх, то шла круто вниз. На одном из спусков из кювета показалась корова, жующая траву. Я ехал на нее и не мог остановиться – тормоза не работали. Машина двигалась под шестьдесят километров, и я уже начал прикидывать сколько нужно будет заплатить, если она попадет под колеса. К счастью корова посмотрела на мою машину, махнула хвостом и пошла назад. Я громко выдохнул.

Самым трудным оказался последний участок дороги длиной километров пятнадцать. Он был недавно построен и не подсыпан гравием. Глиняная дорога поднималась крутыми склонами над двухметровыми кюветами. От дождя глина раскисла и на дороге образовалась очень скользкая поверхность, машину бросало из стороны в сторону, грозя перевернуться в кювет. Я очень боялся, что в момент падения помнется кабина и разобьется кузов. Весь ремонт пойдет насмарку. Все обошлось, мы выехали на асфальт, а к восьми часам утра были в Узункуле. Когда я вошел в дом, то упал на пол, и у меня впервые в жизни началась истерика. Так сильно вымотал путь без тормозов и света.

В июне 1976 года в новую школу приехал Загореев К.Г., который к тому времени был инструктором обкома партии, а вместе с ним был заместитель начальника областного управления профтехобразования. Я с гордостью провел их по школе, показывая просторные оборудованные классы. Когда мы вернулись в кабинет, Загореев К.Г. сказал, что в райцентре Сергеевка, на берегу водохранилища, которое называли Целинным морем, есть сельское профтехучилище, в котором нет директора, не захочу ли я его возглавить? Договорились, что через несколько дней я съезжу, посмотрю его, а потом дам ответ. Через несколько дней я оказался в Сергеевке. Этот райцентр назывался городом, в нем проживало около десяти тысяч человек. Если Возвышенка расположена в степи, то Сергеевка лежит на берегу водохранилища и реки Ишим, протекавшей с юга на север вдоль всего городка. Вокруг него располагались живописные березовые колки, промежутки между которыми были покрыты степной травой и ковылем.

Училище располагалось в шести зданиях, в том числе ему принадлежали три корпуса общежитий: одно четырехэтажное и два трехэтажных. Посмотрев хозяйство, я позвонил в управление профтехобразования и дал согласие. Мне ответили, что Возвышенский район является новым и отсюда запрещено перемещать кадры, поэтому я должен

сам уволиться и с документами прибыть в управление. Когда я обратился в райком партии с просьбой снять с учета, мне отказали и отправили в партийную организацию школы. Закончилось все заседанием Бюро Райкома партии, на котором мне помог Магазов, который сказал, что в Возвышенке собираются строить профтехучилище, вернусь ли я туда работать? Я пообещал, все засмеялись и отпустили. Магазову, видимо, было неприятно видеть человека, который не пожелал с ним работать, поэтому он и помог мне. Так в августе 1976 года я стал городским жителем.

Несколько слов хотелось бы сказать о партийных руководителях района и области. Почти все они были выходцами с Украины. Помню, что утверждал меня в должности директора, а затем вручал партийный билет первый секретарь райкома партии Бойченко Аскольд Викторович. При вручении партбилета он мне сказал, что «демократия и демагогия начинаются с одной буквы». Эти слова я запомнил на всю жизнь. Вскоре Бойченко куда-то перевели, и ему на смену пришел Зинченко Василий Дмитриевич, высокий красавец с мягким южнорусским говором. Первым секретарем Северо-Казахстанского обкома партии все годы моей работы там, был Демиденко Василий Иванович. Не знаю, что это был за человек, так как видел его я только из зрительного зала, стоящим на трибуне или сидящим в президиуме. Заведующим организационным отделом обкома партии был человек с украинской фамилией – Пинчук, а заведующим областным отделом народного образования был Сакун Виталий Иванович.

4. Сергеевка. СПТУ-21 и другие организации

Еще во время первого знакомства с училищем я обратил внимание на царящую там бесхозяйственность. В училище был значительный парк техники: порядка 20 тракторов, в том числе 2 или 3 мощных К-700, около 30 зерноуборочных комбайнов, около десятка автомобилей. Большинство единиц перечисленной техники было неисправной. Я задал вопрос заместителю директора, отвечающему за производственное обучение, почему за такую бесхозяйственность никого не посадили? Он ответил, что директора сняли. Первый самостоятельный обход общежитий заставил меня вспомнить времена Антона Семеновича Макаренко, описанные им в Педагогической поэме. Учащиеся были на каникулах и общежития пустовали, только в одной из комнат жили люди. Когда я вошел в эту комнату, то увидел кровати, поставленные в два яруса, на которых лежали одетыми здоровенные парни. На мой вопрос: «Кто они такие? Ответили: «А ты кто такой?» Пришлось объяснить, что я новый директор. Пол в комнате был так заплеван кожурой от семечек, что не было видно досок. Ребята сказали, что приехали из совхозов с практики, ждут выдачи дипломов и получения расчета в бухгалтерии. Я распорядился немедленно их рассчитать и отправить по домам.

Начальник Краевого управления профтехобразования Любых Семен Маркович, тоже выходец с Украины, гордившийся тем, что успел побывать в последние месяцы войны на фронте и называвший себя «победителем»,

направляя меня в училище дал «добро» на любые кадровые перестановки. Мой заместитель по учебно-производственной работе Калинин Ильяс Исабаевич был грамотным инженером, закончившим сельхозинститут, с первой встречи показавшим лояльное отношение к моему назначению. Другой заместитель по учебно-воспитательной работе Завтура Екатерина Афанасьевна с момента знакомства стала демонстрировать свою независимость, поэтому я решил ее заменить. Ее попытки апеллировать в райком партии успеха не принесли, и по совету Калинина я назначил заместителем по УВР Байкенова Жаната Зараповича. Это было самое удачное кадровое назначение, которое я сделал за всю жизнь. Жанат оказался умнейшим человеком и верным другом. Он ни в чем не подвел меня и уже через два года был назначен директором строительного ПТУ. Когда он получил предложение, то пришел ко мне за советом, я сказал: «Держись!» Ильяс, Жанат и я были молоды, нам чуть за тридцать. Никогда в жизни у меня больше не было таких толковых заместителей.

Мы навели порядок во всем. Особенно поработал Жанат, у которого учащиеся в общежитиях стали носить сменную обувь. Сергеевка хоть и называлась городом, но в ней было много мест, где отсутствовал асфальт, и к обуви прилипала грязь. Мы поставили у входов в учебный корпус и общежития емкости с водой для мытья обуви, но в общежитиях этого было мало. Мы закупили домашние тапки и в коридоре сделали ячейки для сменной обуви, на которые ставили комнатные тапки, а придя с улицы, ботинки. Через два года наше училище заняло второе место в республиканском соревновании сельских ПТУ. Мы получили Переходящее Знамя, Грамоту и премии коллективу. Но до этого пришлось пережить немало неприятных моментов.

Первый из них случился 13 сентября 1976 года. В этот день председатель Райисполкома Бубнов Геннадий Васильевич вызвал нескольких районных руководителей и довел план направления комбайнов вместе с комбайнерами на уборку. В этом году был богатый урожай, область обязалась собрать 10 миллиардов пудов зерна, и руководство области и районов собирало все резервы для выполнения плана. Со времен Хрущева урожай считали в пудах, так цифры выглядели более весомыми. Когда председатель сообщил, что я должен направить в самый дальний совхоз шесть комбайнов вместе с комбайнерами, я опешил. Впервые за многие годы училище выполнило план приема учащихся. Мы приняли 180 человек, что составило 6 групп: 5 групп трактористов-машинистов и 1 - электриков. В наборе учащихся участвовал я сам. На автомобиле ездил по школам района и вместе с директорами агитировал родителей.

К училищу было много претензий, в первую очередь жаловались на то, что детей там обижают. Местные подростки приходили в училище и отбирали у новичков деньги. Помню, как на педсовете в самом начале сентября в класс ворвался дежурный мастер и сообщил, что в помещении старой котельной трясут первогодков. Процесс тряски был буквальным. Два

верзи́лы брали мальчишку за ноги, переворачивали вниз головой и трясли, пока из карманов не высыплются все монеты. Я отправил нескольких мастеров, и они задержали троих посторонних, которых передали милиции. Для того, чтобы сохранить учащихся, нужно было их опекать целый день от подъема до отбоя, поэтому мастера работали с 7 утра до 10 вечера. Мастера, которых нужно было отправить комбайнерами, работали в основном в группах первого курса. Их отправка оголяла эти группы и грозила потерей учащихся. Я попытался объяснить ситуацию Председателю, но он не стал слушать, а перешел на ненормативную лексику. Тут я не сдержался и заявил, что если он будет материться, я уйду. Он расsvирепел еще больше, и я ушел из его кабинета. Придя на работу, я первым делом позвонил Любых Семену Марковичу. Тот горячо поддержал меня: «Правильно. Так их надо ставить на место». Но уже через час перезвонил и обвинил в том, что я не могу находить общего языка с местными руководителями. Видимо ему тоже досталось от областного начальства. Успокоившись, он сообщил, что завтра в 6 утра приедет в училище, и мы поедем на ковер. Действительно в 6 утра он был в Сергеевке, значит, из Петропавловска выехал не позже 4-х часов. При Горбачеве это назовут командно-административной системой, а тогда это называлось партийной дисциплиной. Через полгода мне периодически приходилось являться на планерки к первому секретарю Сергеевского райкома Шайкину Есиму Шайкеновичу в 7 часов утра.

Семен Маркович повез меня куда-то в поля на границе двух районов. Бескрайние моря золотой пшеницы, уходящие за горизонт, каких нет в Сибири, до сих пор живут в моей памяти. Мы изда́лека увидели черные Волги, собравшиеся на дороге между двумя полями. Около них стояло больше десятка хорошо одетых мужчин, Семен Маркович приказал шоферу остановиться метрах в двадцати от начальства и пошел к ним. Уходя, он приказал мне сидеть в «Москвиче», если потребуется, то он позовет. Любых мне сообщил, что среди собравшихся находится второй секретарь ЦК компартии Казахстана, а председателя нашего Облисполкома Болатбаева я узнал сам, так как видел его при работе в райисполкоме. Среди собравшихся узнал первого секретаря нашего райкома Шайкина Е.Ш. и председателя райисполкома Бубнова Г.В. Любых С.М. смирно стоял в сторонке, а потом на него обратил внимание Болатбаев и подозвал к себе. Семен Маркович подошел и стал по стойке «смирно». Мне не было слышно, о чем они говорили. Я видел, как Болатбаев грозит пальцем и что-то говорит, но меня не позвали. Получив указания, Любых сел в машину и шумно выдохнул, сказав: «Ну, в партии тебя оставили!» Мы вернулись в училище, и я приказал отправить шесть комбайнов на уборку.

До сих пор не могу сказать плохими или хорошими были такие методы управления, но глядя то те безобразия, которые происходят в современной жизни, думаю, что такие меры были оправданными, они приучали к государственной дисциплине.

К приятным воспоминаниям, относящимся к Сергеевскому училищу, является поездка на двухмесячные курсы повышения квалификации в Ленинград. На них я был с февраля по апрель 1977 года. Это время дало мне возможность познакомиться с важнейшими культурными объектами Северной столицы. Думаю, что власти правильно делали, организуя подобные мероприятия: они давали возможность руководителям с далекой глубинки приобщаться с достижениями культуры.

Кроме учебной базы, расположенной в Сергеевке, училище имело учебное хозяйство на расстоянии трех километров от города. Вся техника размещалась там. В учхозе было около пятисот гектаров земли, на которой было необходимо проводить учебные занятия с учащимися. Они не только изучали технику, но ремонтировали ее, пахали, сеяли, обрабатывали посевы, а потом убирали урожай. Там же был свинарник – небольшая сараюшка, в которой обитала одна свинья и три дикого вида хряка. Никаких мастерских не было. За три года работы мне удалось построить на учхозе мастерскую для ремонта техники, в которую могла заходить зерноуборочные комбайны и мощные тракторы К-700. Было построено зернохранилище, в котором хранилось собранное зерно, закрытое от дождя и снега. Был построен свинарник, а поголовье свиней превысило 100 голов.

Сергеевское водохранилище, находившееся на южной окраине городка, привлекало своими песчаными пляжами и теплой водой. В летние месяцы к нам любили приезжать многочисленные проверяющие из самых различных структур. Однажды мы принимали инструктора ЦК Компартии республики. Всех проверяющих нужно было принимать, угощать и провожать. Работая в школе, я не знал такого большого числа проверяющих, поэтому принимал их за собственный счет. В училище многочисленная орава проверяющих требовала иного подхода. Приходилось ловчить и идти на различные ухищрения. Помню, зимой 1978 года в училище привез переходящее знамя один из чиновников Республиканского комитета по профтехобразованию. Я попросил поваров удивить его чем-нибудь особенным, и они приготовили фаршированную щуку. Тогда я не знал, что это традиционное еврейское блюдо и не понимал, почему гость без всякого аппетита ест ее. Для него гораздо приятней был бы бешбармак из баранины вместе с головой. Баранью голову тщательно обдывали и варили вместе с мясом. Приготовление бешбармака занимало 4-5 часов, мясо варилось на медленном огне так, чтобы вода не выкипала. Перед началом приема пищи гостей угощали чаем. Только потом я узнал, что таким образом желудок и кишечник готовят к приему жирного мяса. Голову подавали на отдельном блюде самому уважаемому гостю, который отрезал острым ножом какую-то часть и, подавая поочередно каждому из присутствующих, по степени важности персоны, произносил благоприятные пожелания. Так простой прием пищи превращался в ритуал благодарения. Каждое пожелание сопровождалось приемом горячительных напитков. Мясо было очень вкусным и вместе с шурпой хорошо нейтрализовало алкоголь. Случалось,

что гости выпивали по бутылке водки на каждого и выглядели совершенно трезвыми. В Сергеевке я приучился есть конину. В тех краях, где я жил раньше, казахов было мало и мне не приходилось есть бешбармак из конины, его обычно готовили из говядины. Надо сказать, что казахи как древние кочевники прекрасно владели секретами откорма лошадей и приготовления бешбармака. Одна пожилая казашка, моя соседка, могла разделать тушу лошади, используя нож без помощи топора. Близкое общение с казахами приучило меня уважать этот народ. Ни один из них не сделал мне подлости. Хотя один во время застолья посадил фингалы под оба глаза. Его отчество было ЖАПОбаевич, но я в «веселом» расположении духа произносил это как ЖОПАбаевич. Он обижался и поправлял меня, а потом врезал. Я уже был настолько «веселым», что не смог ему ответить, а потом понял, что виноват сам. Через несколько лет Жапобаевич стал работать директором моего бывшего СПТУ-20.

Мой уход с поста директора Сергеевского училища был вызван личными мотивами. Мой скороспелый брак, заключенный после двух месяцев знакомства и зарегистрированный за пять дней до призыва в армию, после пятнадцати лет исчерпал себя. Не буду углубляться в эту тему, так как она очень болезненна для меня.

Я хотел уехать и разобраться в себе, чтобы решить, нужно ли сохранять брак. Но для увольнения требовалось сняться с партийного учета, и здесь я попался. Я должен был сообщить причину отъезда и когда ответил, что хочу разобраться в себе, мне первичная партийная организация объявила строгий выговор и разрешила сняться с учета. Бюро райкома решило по-другому. Первый секретарь Шайкин Е.Ш., показывая рукой на стол сказал: «Клади партбилет». Лишение партбилета было черной меткой, которая клалась на всю биографию. Когда в поисках работы, я приходил в организацию, показывал трудовую книжку и говорил, что меня исключили из партии, а врать я просто не мог, меня не принимали. В одном месте так и сказали, чтобы подчистил хвосты, а потом приходил устраиваться. Целых полгода я мыкался в чужих краях, не уверенный правильно ли поступил, уйдя из семьи, официально мы так и не развелись.

Летом 1980 года я вернулся и пришел к Шайкину Е.Ш. просить работу. Меня приняли и направили начальником строительного участка Облпотребсоюза и через месяц восстановили в партии. Все это время мой партбилет хранился в сейфе заведующего орготделом райкома Анатолия Башмакова, хотя должен быть уничтожен. Работа в качестве строителя мне нравилось, хотя и не хватало профессиональных знаний, но я не стыдился спрашивать, а специалисты охотно отвечали. Я не встречал неприязненных ответов. Люди знали, что я не специалист и не скрываю этого. Когда через три месяца моей работы, впервые за несколько лет работники получили премиальные, их отношение ко мне стало еще более теплым.

Работа на строительном участке закончилась неожиданно. В самом начале 1981 года, проезжая по дороге, я встретил машину своего старого

знакомого Загореева К.Г., который к тому времени переместился из инструкторов Обкома в кресло заведующего Областным отделом народного образования. Мы остановились, вышли из машин, и он спросил, как мои дела. Я ответил, что все нормально и новая работа мне нравится. Константин сообщил, что хочет предложить мне должность директора Мамлютской санаторной школы, директор которой достиг пенсионного возраста, болеет и скоро оставит работу. Пока он не ушел на пенсию, мне было предложено поработать заместителем по производственному обучению. Я согласился и пошел к Шайкину Е.Ш. с просьбой снять с партийного учета. Он не стал возражать и 20 января 1981 года я оказался в Мамлютке.

Мамлютская санаторная школа

Мамлютка была маленьким городком, расположенном на Транссибе, на границе между Северо-Казахстанской и Курганской областями. Санаторная школа, располагалась на возвышении, недалеко от городка, привлекая внимание зеленью сосновой рощи и аллеями густой сирени. Летом в этих зарослях пели соловьи, что являлось небывалым явлением для севера Казахстана. Школа была построена в начале 1960-х годов для оздоровления детей из семей, в которых были родственники, больные туберкулезом или они сами были склонны к этому заболеванию. В основном это были дети из казахских семей. В школе наряду с педагогами трудились медработники, ежедневно осуществлявшие медицинский контроль. Работникам было запрещено курить на территории школы. Ставки заработной платы на 25% превышали обычные. Школа была широко известна не только в области, но и в стране. Уже в конце 1980 годов я смотрел передачу по телевидению, посвященную школе и ее директору Кубракову Григорию Максимовичу. Только много позднее я понял, что мне посчастливилось работать с этим человеком. Директором этой школы Григорий Максимович был назначен с начала ее строительства. Она по-настоящему была его детищем. Он сделал ее особенной тем, что создал систему работы, основанную на опыте Антона Семеновича Макаренко. Так как школа была интернатом, и дети жили там круглый год, разъезжаясь по домам только на каникулы, а сироты оставались все время, что позволило внедрить систему разновозрастных отрядов. В спальнях помещений, рассчитанных на 15 человек размещались отряды детей от начальных классов до выпускных. В этих отрядах удалось создать атмосферу семьи, когда старшие опекают младших, а младшие стараются им подражать. Там были исключены, какие-либо проявления дедовщины, когда старшие помыкают младшими, а тем более издеваются над ними. Совет командиров отрядов работал очень эффективно и разрешал многие внутренние проблемы, в том числе нарушения дисциплины.

Полностью была решена проблема трудового воспитания и свободного времени. После учебных занятий дети обедали и шли на занятия кружков. В училище был зоопитомник, в котором содержались самые разные животные и птицы: ондатры и морские свинки, какие-то крысы и кролики, а из птиц попугаи и голуби, павлины и совы, экзотические куры и другая

живность, за ними ухаживали дети. Кроме того были коровник, конюшня и свинарник, жили овцы, куда тоже ходили дети не только ухаживать за животными, но доить коров и выполнять другую работу. Была в школе и пасека, куда тоже ходили дети. Кроме этих занятий в школе была теплица, в которой трудились биологи Яков Аронович Фрезе, его сын и невестка. Под их руководством ученики выращивали замечательные цветы, овощи для столовой, выполняли биологические опыты. Дети не только работали, они узнавали повадки животных и способы выращивания растений. Все это происходило под руководством руководителей кружков. По штатному расписанию на каждый учебный класс полагался воспитатель. Классы были меньше, чем в общеобразовательной школе - 15-20 человек. Григорий Максимович отдал ставки воспитателей руководителям кружков, а воспитанием занимались классные руководители, вместе с командирами отрядов под руководством старшего воспитателя, работавшего на правах заместителя директора. В школе работало множество кружков по интересам: музыкальные, художественной самодеятельности, моделирования, изобразительные студии.

Думаю, что сегодня подобных школ нет. Различные «Сириусы», созданные чиновниками от образования, возможно, дают неплохую образовательную подготовку, но не несут того воспитательного заряда, который давала эта школа. Интересный факт. В свинарнике работало много детей-казахов, который никто не посылал туда силой. Им самим было интересно смотреть на диких животных, которых они никогда не видели. При том, что маленькие поросята выглядят очень мило. Макаренковский принцип, что дети должны заниматься не трудом работой, а трудом заботой был воплощен в полной мере. Прибыв в школу, я с удовольствием начал вникать в особенности ее работы. О ней я много слышал и даже был там на каком-то семинаре. Но от первого посещения осталось только восхищение чистотой и порядком, царящим во всех помещениях. Через несколько недель после моего прибытия Григорий Максимович заболел и ушел на больничный, возложив на меня обязанности директора. Я не знаю, каким образом Загореев договаривался с ним о моем назначении, оказывал ли на него давление или он добровольно хотел уйти на пенсию? Григорий Максимович находился на больничном больше года и вышел на работу весной 1982 года после того как Загореева сняли с поста заведующего ОблОНО. Я привык хозяйничать, с коллективом у меня не было трений. Когда вышел на работу Григорий Максимович, это не вызвало у меня каких-то негативных эмоций. Мои обязанности почти не поменялись, только снизились представительские функции. Но уже через несколько дней я почувствовал, что Кубраков ревностно оценивает мою работу. Первый конфликт у нас произошел по поводу замены кроватей в общежитии. Они были изношены, и я договорился о приобретении для замены ста кроватей. Когда мне позвонили о том, что нужно перечислять деньги за кровати, я пошел к нему с просьбой о перечислении. На что он сообщил, что нужно

вначале собрать всех замов и посоветоваться, нужно ли менять кровати. Я это воспринял как пустую придирку, так как выпрашивал эти кровати. Второй конфликт произошел после праздника 9 мая. Еще перед 1 мая я организовал уборку всех помещений и территории. После праздника Григорий Максимович повел всех замов осматривать территорию, подойдя к бассейну в котором до праздника была вода, он указал на старый башмак, лежащий на дне, до этого скрытый под водой, и начал отчитывать меня. Я понял, что работать с ним, испытывая подобные унижения, не могу. В тот же день поехал в ОблОНО увольняться из санаторной школы. Меня не стали задерживать. После этого я вернулся в Сергеевку.

Комбинат коммунальных предприятий

Новым местом моей работы в Сергеевке стал комбинат коммунальных предприятий. Это было многопрофильное предприятие, которое обеспечивало жизнедеятельность городка. В городке был центральное отопление, водопровод и канализация, соответственно очистные сооружения на водопроводе и канализации. Водозабор стоял неподалеку от плотины водохранилища, а в специальном здании происходила водоочистка. Там я впервые увидел, как перетекая из резервуара в резервуар, очищается вода и обеззараживается хлором. Самым неблагоприятным делом было обслуживание жилого фонда. В Сергеевке было до пятидесяти многоквартирных домов от двух до пяти этажей, которые обслуживал комхоз. В квартирах постоянно, что-то ломалось: протекали или не грели батареи, забивались унитазы, текли крыши, исчезало электричество, и все жалобы стекались ко мне, чтобы я устранял и налаживал. Уже после недели работы я понял, что нужна аварийная служба, которая была создана к концу первого месяца. После ее создания мне стало немного легче.

Помимо этого в задачи комхоза входили ликвидация прорыв водопроводных и канализационных трасс, уборка снега с улиц зимой и полив их летом, работа городской бани и гостиницы, содержание гостевого дома для высокого начальства в окрестностях Сергеевки, а также особо внимательное обслуживание домов первого секретаря райкома и председателя райисполкома, куда нужно было зимой в первую очередь расчистить дорогу от снега, а осенью подать тепло. Было еще много обязанностей, о которых я узнавал только после каких-то происшествий. Работа была очень «веселой», телефон мог зазвенеть в любое время дня и ночи. Откачка фекальных вод из придомовых септиков тоже входила в наши обязанности. Специальные автомобили должны были работать постоянно, но теплого гаража не было и водители зимой по утрам разогревали их паяльными лампами. К концу первого года работы я построил теплый гараж, и водители могли без особых хлопот выезжать зимой в любое время суток.

Директор комбината коммунальных предприятий был «без вины виноватым», так как отвечал за быт городка и, проработав год, я начал думать, как вырваться с этой работы. До меня на этой должности редко кто удерживался больше года, а я продержался два с половиной. Регулярные

походы в райком с просьбой освободить от должности закончились тем, что второй секретарь райкома Викторов Евгений Иванович разрешил снять меня с партийного учета, и я уехал из Сергеевки. Мне хотелось начать новую жизнь, но я не знал куда ехать. Сев в поезд и набрав свежих газет, я поехал в Омск, к своему старшему сыну Сергею, учившемуся там, в военном училище. По пути в Омск читал газеты и нашел в них много статей о КАТЭКе (Канско-Ачинский топливо энергетический комплекс), центром которого был Красноярск. Навестив сына, поехал в Красноярск. В этом городе я никого не знал и ехал на разведку. Устроившись в гостинице «Турист» на берегу Енисея, пошел искать управление профтехобразования.